

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111>

Шифр научной специальности 5.9.1

Мессианские мотивы в творчестве поэтов Серебряного века (М.А. Волошин, А.А. Блок, С.А. Есенин)

Священник Артемий Юдахин (Юдахин Артём Александрович)

ОЧУ ВО «Московский университет им. А.С. Грибоедова»

105066, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новая Басманная, 35, стр. 1

 Artemyudakhin@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Историософия составляет важный аспект творчества поэтов Серебряного века, в частности, М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина. Цель исследования – выявить и концептуализировать мессианские мотивы (в их различных проявлениях) в творчестве вышеназванных авторов в контексте российской истории первой четверти XX столетия. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалами исследования послужили стихотворения М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина, содержащие историософскую проблематику. В ходе исследования применялись сравнительно-исторический, культурно-исторический и системно-типологический методы анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Выявлено наличие парадигмы русского мессианства в творчестве М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина, имеющего свои характерные и оригинальные черты, такие как: антиномия и кенозис, освящённость и мистичность, христоликость, таинственность и таинственность Руси-России, её литургическая и иконическо-диафантическая природа, включённость русского бытия в библейско-мессианское измерение священной истории. Русское мессианство осмысливается названными поэтами как в его исторической, так и метаисторической проекциях. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Выявленные описательные черты Руси-России (русское бытие, русская история, русская природа), представленные в стихотворениях М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина в историософской перспективе, позволяют говорить о присутствии идеи русского мессианства в творчестве вышеназванных поэтов.

Ключевые слова: Серебряный век, историософия, русское мессианство, православие, русское бытие, русская природа, трансценденция

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: А.А. Юдахин – разработка концепции исследования, анализ научной литературы, подбор стихотворений поэтов Серебряного века, анализ художественных произведений, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Артемий Юдахин (Юдахин Артём Александрович), священник. Мессианские мотивы в творчестве поэтов Серебряного века (М.А. Волошин, А.А. Блок, С.А. Есенин) // Нефилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 98-111. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111>

OECD 6.02; ASJC 1208

Messianic motifs in the works of the poets of the Silver age (M.A. Voloshin, A.A. Blok, S.A. Esenin)

Priest Artemy Yudakhin (Artyom A. Yudakhin)

A.S. Griboyedov Moscow University

1 bldg, 35 Novaya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russian Federation

 Artemyudakhin@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. Historiosophy is an important aspect of Silver Age poets' work, in particular, M.A. Voloshin, A.A. Blok and S.A. Yesenin. The purpose of the study is to identify and conceptualize Messianic motifs (in their various manifestations) in the art of the above-mentioned authors in the context of Russian history in the first quarter of the 20th century. **MATERIALS AND METHODS.** The materials are the poems of M.A. Voloshin, A.A. Blok and S.A. Yesenin, containing historiographical issues. The comparative-historical, cultural-historical and system-typological methods of analysis are used in the course of the research. **RESULTS AND DISCUSSION.** Russian Messianism paradigm is revealed in the works of M.A. Voloshin, A.A. Blok and S.A. Yesenin, which has its own characteristic and original features, such as: antinomy and kenosis, sanctification and mysticism, Christ-likeness, mystery and sacrament of Rus-Russia, its liturgical and iconic-diaphanic nature, inclusiveness of Russian existence into the Biblical-Messianic dimension of sacred history. Russian Messianism is understood by these poets both in its historical and meta-historical projections. **CONCLUSION.** Russian descriptive features (Russian being, Russian history, Russian nature), presented in the poems of M.A. Voloshin, A.A. Blok and S.A. Yesenin in a historiosophical perspective, allow us to speak about the presence of the idea of Russian Messianism in the works of the above-mentioned poets.

Keywords: the Silver Age, historiosophy, Russian Messianism, Orthodoxy, Russian being, Russian nature, transcendence

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: A.A. Yudakhin – research concept development, scientific literature analysis, selection of poems by Silver Age poets, fiction analysis, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Priest Artemy Yudakhin (Artyom A. Yudakhin). Messianic motifs in the works of the poets of the Silver age (M.A. Voloshin, A.A. Blok, S.A. Esenin). *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(1):98-111. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111>

ВВЕДЕНИЕ

«Русские имеют самую глубокую по сути и всеобъемлющую национальную идею – идею спасения человечества <...> они привносят и в мировую историю тот дух мессиан-

ства, которым преисполнена их душа»¹ – данное наблюдение позволяет немецкому историософу Вальтеру Шубарту отнести русского человека (как носителя и выразителя русского цивилизационного кода) к архе-

¹ Шубарт В. Европа и душа Востока. Взгляд немца на русскую цивилизацию. Москва, 2023. С. 186-187.

типу «мессиянского человека», стремящегося в согласии с Божественной волей преобразить и освятить мироздание. Кардинал Томаш Шпидлик в своём фундаментальном исследовании «Русская идея: иное видение человека» также постулирует мессиянский характер русской историко-культурной парадигмы, отмечая, что «после народа еврейского именно русскому народу наиболее свойственна мессиянская идея»². Действительно, мысль об особом призвании русского народа, его богоизбранности, красной нитью проходит через всю русскую историю и русскую литературу. Примечательно, что перемена хронологической диспозиции несколько не влияет на базовый, существенный элемент русского национального самосознания: представлению преподобного Нестора Летописца о «Богоприятности» Русской земли³ наследуют как старец Филофей Псковский («Москва – Третий Рим»), так и Ф.М. Достоевский с его концепцией «русского Христа» и русского «народа-богоносца». Русскую мессиянскую идею, таким образом, отличают трансохронологичность и метаисторичность. В контексте отечественной истории мессиянская идея стала не только устойчивым и ведущим мотивом, но также и базовым топосом русской литературы как надвременного метатекста. Одно из интереснейших проявлений и преломлений мотива русского мессиянства фиксируется в поэзии Серебряного века, прежде всего в поэмах и стихотворениях таких значимых поэтов, как М.А. Волошин, А.А. Блок и С.А. Есенин. Смысл русского бытия, трагедию русских революций и Первой мировой войны, крах Российской империи русские поэты-гении переживают и осмысливают по-мессиянски, каждый – в своём ключе, но при этом все вместе – в общей смысловой направленности. Данное исследование преследует цель выявить концептуальный мессиянский пласт в творчестве указанных поэтов, а также определить его характерные черты.

² Шпидли О.Т. Русская идея: иное видение человека. Москва: ДАРЪ; Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2014. С. 192.

³ Боханов А.Н. Русская идея. Москва: Проспект, 2024. С. 53.

Ключевой задачей данного исследования становится компаративистский анализ историсофского поэтического пласта творчества М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина в различных его проекциях (природа, история, метаистория, бытие) на предмет наличия в нём мессиянского мотива, а точнее – идеи русского мессиянства.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основным материалом исследования послужили стихотворения М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина, содержащие историсофский посыл в различных его аспектах. Наряду с развёрнутыми мотивами и сюжетами, в текстах присутствуют также имплицитные, свёрнутые отсылки к константной и ключевой идее всей русской культурной и литературной традиции – русского мессиянства.

Методологической основой исследования послужили сравнительно-исторический и культурно-типологический подходы к анализу текста.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вера в «особую миссию России» [1, с. 101], в «мессиянское грядущее России» [2, с. 188] является центральным историсофским мотивом творчества М.А. Волошина в 1915–1923 гг. Концептуальный анализ таких стихотворений автора, как «Россия» (1915), «Святая Русь» (1917), «Из бездны» (1917), «Демоны глухонемые» (1917), «Стенькин суд» (1917), «Русь глухонемая» (1918), «Видение Иезекииля» (1918), «Родина» (1918), «Европа» (1918), «Китеж» (1919), «Русская революция» (1919), «Неопалимая купина» (1919), «Гражданская война» (1919), «Дикое поле» (1920), «Северовосток» (1920), «Заклинание» (1920 г.), «Русь гуляющая» (1923), позволяет эксплицировать и восстановить логику историсофской мысли поэта, а также сделать относительно этого несколько обобщающих выводов.

Прежде всего следует оговориться, что мессиянство М.А. Волошина является своеобразной интерпретацией библейского мес-

сианства. Библеизм в целом характерен для позднего творчества автора, причём как на уровне идейно-символических заимствований, так и на уровне «подражания метрике библейской поэзии» [2, с. 185]. Подобно тому, как ветхозаветный Израиль предстаёт в библейском повествовании в качестве «коллективной личности» богоизбранного еврейского народа, так и Россия-Русь М.А. Волошина предстаёт в качестве персонификации народа русского. Подобно тому, как в самом имени «Израиль» заложена «опасная» возможность двойного истолкования (Быт. 32:28⁴), духовная история России содержит в себе полярные антиномические начала, отражённые М.А. Волошиным в целом ряде ярких эпитетов: святая Русь, юродивая Русь, праведная Русь, Русь – Третий Рим / окаянная Русь, глухонемая Русь, грешная Русь, Русь гуляющая, хмельная и пр. В данном случае библейская проекция реализуется поэтом в констатации двуединой сущности России как Нового Израиля: «греховность России неискоренима, как безусловна и её святость» [3, с. 35]. Ветхозаветная сюжетика прямо воплощена М.А. Волошиным в стихотворениях «Видение Иезекииля» и «Неопалимая купина». В первом поднимается тема Божьего возмездия Израилю за неверность и предательство любви. Пророк Осия (VIII век до Р. Х.) первым из библейских авторов использует супружескую метафору для обозначения взаимоотношений Бога и избранного народа. А. Мелло поясняет, что использование данной аналогии проистекало из необходимости «подтвердить «любовь» Мужа (ср. Иер. 31:3. Ис. 54,8), которая «вечна», несмотря на повторяющиеся измены жены <...> это история любви, о которой мы до конца не знаем, чем она закончится»⁵. Соответственно, наказание супруге-изменнице проистекает как раз из неизменной и ревливой любви к ней:

В руки любовников прежних предам,
Пусть тебя бьют, побивают камнями,

⁴ «И сказал [ему]: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь».

⁵ Мелло А. Страсти пророков. Темы пророческой духовности. Москва: Изд-во ББИ, 2016. С. 149.

Хлещут бичами нечистую плоть,
Станешь бесплодной и стоптанной нивой...
Ибо любима любовью ревливой –
Так говорю тебе Я – твой Господь!

М.А. Волошин. Видение Иезекииля (1918)

Россия также предстаёт в сознании М.А. Волошина невестой Господней, нарушившей супружеские обеты и потому претерпевающей страдания в общенациональном масштабе (Первая мировая война, Революция 1917 г., Гражданская война). Однако никакие беды и трагедии неспособны одолеть и уничтожить Россию – так же, как и ветхозаветный Израиль даже в самых неблагоприятных для него условиях оказывался непобедимым при помощи Господа Саваофа (см. Ис. 37). Россия сохраняет в себе мощный и неисчерпаемый заряд витальности и даже эternальности, даруемый Божией благодатью:

Мы погибам, не умирая,
Дух обнажаем до дна...
Дивное диво – горит, не сгорая,
Неопалимая купина!

М.А. Волошин. Неопалимая купина (1919)

Тема страданий является ключевой для историософской поэтики М.А. Волошина и необходимым образом отсылает читателя к новозаветной концепции кенозиса Христа. «Богоприятность» и богоизбранность русской земли проистекают из её перманентной готовности к самоопустошению, смиренному кенозису по образу Христа Спасителя. Кенотический аспект России поэт акцентирует особо:

Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной –
Верной своей судьбе.

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей

М.А. Волошин. Россия (1915)

И ты лежишь в крови, – нагая,
Изранена, изнемогая,
И не защищена никем

М.А. Волошин. Родина (1918)

Бей в лицо и режь нам грудь ножами,
Жги войной, усобьем, мятежами –
Сотни лет навстречу всем ветрам
Мы идём по ледяным пустыням –
Не дойдём... и в снежной выюге сгинем
Иль найдём поруганным наш храм –
Нам ли весить замысел Господний,
Всё поймём, всё вынесем любя –
Жгучий ветер полярной Преисподней –
Божий Бич! – приветствую тебя!

М.А. Волошин. Северовосток (1920)

Самоумаление России доходит до мыслимого предела – Русь, призывающая на себя беды и горести, становится юродивой, в своём иррациональном и аморальном поведении обличающей разумность, мерность и мнимую демонстративную нравственность остальных народов:

И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.
Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, –
Ты – бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

М.А. Волошин. Святая Русь (1917)

Предел страданий, переживаемый исторической Россией, становится для неё окном к трансцендентному: «реальность бездны порождает волю к вере»⁶. Именно в трагической глубине страданий русский народ соприкасается с Богом и опознаёт присутствие Его любви, поскольку жизненные страдания являются теми испытаниями, «в которых открывается любовь Божия к нам, и мы не можем её познать иначе, как только через страдания»⁷. Страдания исправляют и наставляют, но, главное, духовно очищают страдальца. Именно в опустошённости России, а значит и её диафаничности, заключён залог освящения и спасения. Митрополит Антоний Сурожский делает особый акцент на этой

⁶ Герцк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мёртвого дома» до «Братьев Карамазовых». Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского дома; Нестор-История, 2016. С. 30.

⁷ Мелло А. Божья любовь в псалмах. Москва: Изд-во ББИ, 2014. С. 82.

прозрачности творения для Бога: жизненная задача христианина заключается в том, чтобы «постепенно так очиститься, чтобы стать, как хрусталь, чистым, чтобы через человека лился Божественный свет беспрепятственно и благодаря ограниченности его светил бы во все стороны и изливался на все твари во-круг»⁸. Мотив освещённости/освящённости Руси-России также очень важен для поэтики М.А. Волошина:

Люблю тебя побеждённой,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветлённой
Всей красотой земли

М.А. Волошин. Россия (1915)

Я вижу в большом и в малом
Водовороты комет...
Из бездны – со дна паденья
Благословляю цветенье
Твоё – всестрастной свет!

М.А. Волошин. Из бездны (1917)

Расступись же, кровавая бездна!
Чтоб во всей полноте бытия
Всенародно, всемирно, всезвездно
Просияла правда твоя!

М.А. Волошин. Русь гулящая (1923)

Мотив просветлённости Русской земли и её кенотического «рабьего лика» отсылает читателя к знаменитому, ставшему ключевым для русской культуры стихотворению Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья», опубликованному в 1857 г. Это сравнение неслучайно, поскольку исследователи уже давно установили наличие идейной близости М.А. Волошина к Ф.И. Тютчеву и славянофилам в понимании всемирной миссии России [4, с. 71]. Однако примечательна в данном случае не аллюзия на тютчевское стихотворение, а его творческое переосмысление и историософская модификация. Кенотическое свойство Христа Спасителя («рабский вид»), освящающего Своим таинственным присутствием Русь, переносится М.А. Волошиным на саму Россию, «смирненную и бедную», об-

⁸ Митрополит Сурожский Антоний (Блум). Беседы о вере и Церкви. О Церкви // Азбука веры: сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Surozhskij/besedy-o-vere-i-tserkvi/ (дата обращения: 03.11.2024).

ретающую свой особый и неповторимый «рабий лик». Как было сказано выше, именно в опустошении и самоумалении России проявляется её христологичность, её таинственная просветлённость божественным светом. В данном случае таинственность России становится таинственностью, – неслучайно М.А. Волошин, признавая мистическую основу её природы («верю замыслам предвечным»), сознательно употребляет литургическое понятие, отсылающее к Таинству Евхаристии:

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутолённой верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твоё бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твоё.

М.А. Волошин. Россия (1915)

Каково же историческое предназначение России и в чём заключается суть её мессианского призвания? С одной стороны, в исторической проекции Россия призвана:

Изжить последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить
Её погибельные тропы

М.А. Волошин. Русская революция (1919)

В XIX–XX веках «смерть Бога», имморализм и, как следствие, кризис гуманизма поразили сознание европейского человечества, находившегося в авангарде Модерна. Россия, с точки зрения М.А. Волошина, своим своим бытием была призвана выстрадать и тем самым искупить, спасти европейскую культуру от неё самой. В этой кенотической самоотдаче и проявляется с наибольшей очевидностью историческое призвание Руси-России:

Пойми великое предназначенье
Славянством затаённого огня:
В нём брезжит солнце завтрашнего дня,
И крест его – всемирное служенье.

М.А. Волошин. Европа (1918)

Приведённые строки являются прямой отсылкой к Ф.М. Достоевскому с его концепцией «всемирной отзывчивости» русского человека, заявленной в знаменитой «Пушкинской речи» в 1880 г. Наивысшая форма служения России миру заключается, однако, не в исторической плоскости, а в метаисторической. Россия по Волошину является точкой соприкосновения Неба и Земли, Бога и человека. Русская земля являет собой пространство-экстазис, метафизический выход к «мирам иным»:

Мечтой врачует мир Россия –
Ты, погибавшая не раз
И воскресавшая стихия.

М.А. Волошин. Русская революция (1919)

Но и теперь, как в дни былых падений,
Вся омрачённая, в крови,
Осталась ты землею иступлений –
Землёй, взыскующей любви.

М.А. Волошин. Китеж (1919)

Внутри библейской парадигмы мыслит и творит современник М.А. Волошина – поэт А.А. Блок. Н.С. Кондаков отмечает, что, начиная с 1902 г., А.А. Блок, осмысливая в своих произведениях мир, «обращается всё чаще и чаще к библейским картинам» [5]. Однако и до этого А.А. Блок активно обращается к библейским текстам. О.А. Пороль заключает, что «основные образы и мотивы лирики А.А. Блока восходят к книгам Ветхого и Нового Заветов» [6, с. 67]. В связи с этим для А.А. Блока, как и для М.А. Волошина, характерна мессианская оптика восприятия России и русского бытия, поэт «остро чувствует своё мессианство по отношению к Родине» [7, с. 77]. С.М. Городецкий особо выделяет мессианский мотив в качестве ключевого в эволюции творчества А.А. Блока: «Мессианство в России, высокая предназначённость её народа и жажда найти и утвердить свою личную близость с народной стихией – вот дорога, на которую выходил Блок из эстетики»⁹. Историософия русского бытия раскрывается А.А. Блоком в следующем цикле стихотво-

⁹ Городецкий С. Воспоминания об Александре Блоке // Печать и Революция. 1992. № 1. С. 75-82.

рений и поэм: «Осенняя воля» (1905), «Русь» (1906), «Россия» (1908), «На поле Куликовом» (1908), «Новая Америка» (1913), «Грешить бесстыдно, непробудно» (1914), «Двенадцать» (1918), «Скифы» (1918).

Восприятие Руси-России А.А. Блоком антиномично: Русь пьяная и святотатственная, нищая Россия, соприсутствует таинственной и таинственной России:

Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.
Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...

А.А. Блок. Осенняя воля (1905)

Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.
А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

*А.А. Блок. Грешить бесстыдно,
непробудно (1914)*

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почиешь, Русь.

А.А. Блок. Русь (1906)

Россия предстаёт в творчестве А.А. Блока не только как объект созерцания, но и как субъект диалога, она персонифицируется и становится живой собеседницей и даже символической «невестой» и «супругой» поэта (библейская метафора):

Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!
Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...

А.А. Блок. Новая Америка (1913)

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

А.А. Блок. На поле Куликовом (1908)

Так же, как и ветхозаветный Израиль, Россия, эта мистическая невеста Божия, вновь и вновь совершает грех отступничества.

В стихотворении «Россия» А.А. Блок обозначает те два полюса, к которым попеременно тяготеет русское бытие: Крест и чародей-асмодей (дьявол):

Твои мне песни ветровые, –
Как слёзы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несусь...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, –
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одно заботой боле –
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

А.А. Блок. Россия (1908)

Л.Л. Дроботова и Т.В. Лыкова, проведя лингвистическо-семантический анализа текста стихотворения, утверждают, что А.А. Блок верит в победу России над пленяющими её тёмными силами: «афористично ёмкое сопоставление в антиномичной оппозиции единичности, мизерности, с одной стороны, и неисчислимого множества одна слеза – река – с другой, выражает силу России, её могучесть, крепость не только в вере, но и в своей огромности, великости, бесконечности» [7, с. 78].

Бесконечность России простирается как на временное, так и на пространственные измерения. Россия как бы оказывается вне времени и пространства, она им не подвластна и даже довлеет над ними. В стихотворениях «Я стремлюсь к роскошной воле, мчусь к прекрасной стороне» (1898) и «Россия» присутствуют следующие строки:

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.
Там цветут и клевер пышный,
И невинный василёк,

Вечно шелест лёгкий слышно:
Колос клонит... Путь далёк!

*А.А. Блок. Я стремлюсь
к роскошной воле... (1898)*

Опять, как в годы золотые,
Три стёртых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колёи...

А.А. Блок. Россия (1908)

Внутренний динамизм образа движения первого четверостишья наряду с эмоционально окрашенным восклицанием «Путь далёк!» во втором образуют кольцевую композицию стихотворения, транслирующую «ощущение незамкнутости пространства, его безграничности» [8, с. 79]. В начальных же строках «России» впечатляет сознательное предусмотренное А.А. Блоком «отсутствие темпоральной детерминации» [7, с. 76]. В этих аспектах заключена одна из тайн России (как в её положительной, так и в отрицательной коннотациях) – её сверхвременное и сверхпространственное онтологическое состояние. В этом проявляется один из мистических аспектов бытия России, в которой:

И невозможное возможно...

А.А. Блок. Россия (1908)

Октябрьскую революцию 1917 г. А.А. Блок встречает с энтузиазмом. В его Дневнике встречаем следующую заметку: «Революция – это я – не один, а мы»¹⁰. Постепенно это очарование проходит, однако именно в революционный период А.А. Блок пишет два своих самых знаменитых стихотворения – «Двенадцать» и «Скифы». Не вдаваясь в подробности дискуссий относительно того, кто же на самом деле изображён Блоком в финале поэмы «Двенадцать» – Христос или Антихрист (обе точки зрения имеют свои аргументы), отметим лишь, что при любой интерпретации образа налицо обращение поэта к мессианскому дискурсу, как бы его в данном случае не именовали – «красным» [9,

¹⁰ Блок А.А. Дневник. Москва: Сов. Россия, 1989. С. 269.

р. 30] или же «мужицким»¹¹. Его историко-софская позиция по отношению к Революции и Гражданской войне была следующей: «за потоками крови, за горами развалин он провидел мессианскую Россию, не свою интеллигентскую, рассудочную, а чуждую ему народную Россию, «музыкальную», полную стихийных сил»¹².

В «Скифах» А.А. Блок высказывает свою позицию относительно исторического и геополитического призвания России – сдерживание «азиатских орд» от наступления на Запад. Б.В. Межуев констатирует, что А.А. Блок «предлагает расколотой на враждующие лагеря Европе прекратить братоубийственную войну, а в случае неисполнения этого призыва грозит – от имени русских-«скифов» – отказом от всякого участия в войне двух рас» [10, с. 198]:

Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз – опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!
А.А. Блок. Скифы (1918)

Образ Руси-России, представленной в «Скифах», диссонируя с реальным геополитическим положением Родины (ослабление, потеря территорий и выход из Войны в состоянии фактического поражения), внушает или же должен внушать то чувство, которое Р. Отто обозначил как *mysterium tremendum et fascinans*. Россия символически отождествляется с персонажем древнегреческой трагедии «Царь Эдип» Сфинксом:

¹¹ Минский Н.М. От Данте к Блоку. Берлин: Мысль, 1922. 54 с.

¹² Там же.

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь чёрной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..
А.А. Блок. Скифы (1918)

Тот, кто не способен совладать со Сфинксом, разгадать его «древнюю загадку» – тайну русского бытия – тот обречён на неминуемую смерть. Этот контекстуальный посыл смыкается с волошинскими строками из «Неопалимой купины», обращёнными к врагам России, вторгнувшимся в её пределы (здесь возникает образ России заклётой):

Не прикасайся до наших пожарищ!
Прикосновение – смерть.
М.А. Волошин. Неопалимая купина (1919)

Если в стихах М.А. Волошина и А.А. Блока действительно чувствуется страх и трепет перед мистической Россией, то в стихах С.А. Есенина Русь-Россия предстаёт несколько в ином плане. Она также пронизана благодатью, исполнена присутствием Иного, однако в стихах С.А. Есенина это присутствие овеяно тем, что на языке православной аскетики именуется «радостопечалием» – духовным умилением, совмещающим плач о совершенных грехах (и пережитых бедах) и радость (в надежде) о грядущем спасении. Это «радостопечалие» – мессианское, с есенинским оттенком «нежности грустной русской души» («Низкий дом с голубыми ставнями...» [1924]). Ниже мы рассмотрим цикл стихотворений С.А. Есенина, отмеченных историческим содержанием: «Гой ты, Русь, моя родная...» (1914), «Топи да болота...» (1914), «Край ты мой заброшенный...» (1914), «Край любимый! Сердцу снятся...» (1914), «Русь» (1914), «Осень» (1914), «Занеслись залётною птишкой» (1915), «Руси» (1915), «Чую Радуну Божью...» (1915), «Запели тёсанные дроги...» (1916), «О родина!» (1917), «О Русь, взмахни крылами...» (1917), «Октоих» (1917), «Пришествие» (1917), «Преображение» (1917), «Я покинул родимый дом...» (1918), «Иорданская голубица» (1918), «Хулиган» (1919), «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» (1922), «Низкий дом с

голубыми ставнями...» (1924), «Русь бесприютная» (1924).

Для С.А. Есенина, так же, как для М.А. Волошина и А.А. Блока, характерен акцентированный библеизм. М.А. Соловьёва делает следующее наблюдение: «Библия входит в художественную ткань поэзии Есенина в виде цитат, названий, сюжетов и мотивов, репрезентируется в синтаксическом строе и ритмике стиха» [11, с. 433]. Вместе с тем поэтический язык С.А. Есенина, и это отличает поэта от двух вышеназванных авторов, преисполнен православной богослужебной лексикой и терминологией. Иеротопическое восприятие Русской земли в творчестве С.А. Есенина достигает своего апогея – вся она воспринимается поэтом сквозь церковно-литургическую призму, причём этот мотив не однократен, но звучит в качестве постоянного рефрена:

И вызванивают в чётки
Ивы – кроткие монашки.
*С.А. Есенин. Край любимый!
Сердцу снятся... (1914)*

Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.
*С.А. Есенин. Край ты
мой заброшенный... (1914)*

Под соломой-ризой
Выструги стропил
*С.А. Есенин. Край ты
мой заброшенный... (1914)*

Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем
С.А. Есенин. Запели тёсанные дроги... (1916)

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным
С.А. Есенин. Осень (1914)

Родина, чёрная монашка,
Читает псалмы по сынам.
*С.А. Есенин. Занеслись залётною
птишкой (1915)*

«Одухотворённое состояние природы» [12] требует особого «одухотворённого» литургического языка, как языка анафориче-

ского, возносящего описываемую реальность «горе» к Богу. Однако литургический язык и образы служат лишь смысловым мостиком к следующему пласту – евангельскому. Русь-Россия становится в творчестве С.А. Есенина непосредственной соучастницей библейской жизни, пространственно причастной к священной истории:

Между сосен, между ёлок,
Меж берёз кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.
С.А. Есенин. Чую Радунцу Божью... (1915)

Но вся ты – смирна и ливан
Волхвов, потайственно волхвующих.
С.А. Есенин. Руси (1915)

По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей России
Он несёт свой крест.
С.А. Есенин. Пришествие (1917)

С стадом буланных коней.
С лудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.
И, полная боли и гнева,
Там, на окраине села,
Мати пречистая дева
Розгой стегает осла.

Древняя тень Маврикии
Родственна нашим холмам,
Дождиком в нивы златые
Нас посетил Авраам.
С.А. Есенин. Иорданская голубица (1918)

Русь, и в этом С.А. Есенин дерзче и дерзновеннее М.А. Волошина, прямо отождествляется с Приснодевой, тем самым её сакрализация достигает предела:

О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звёздного чрева
Сошла ты на твердь.
С.А. Есенин. Пришествие (1917)

Вовсе не случайно поэтому исследователи творчества С.А. Есенина обращают внимание на то, что Родина для него является

«объектом поклонения, выступает землёй обетованной» [13, с. 90] и именно поэтому представляет собой «наивысшую ценность и часто является мерилем других ценностей» [13, с. 92]. Богородичная тема (О том, как Богородица, накинув синий плат...) соприкасается с цветовой палитрой поэтики С.А. Есенина: Русь ассоциируется и выражается, прежде всего, через сине-голубой цвет:

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосёт глаза.
С.А. Есенин. Гой ты, Русь, моя родная... (1914)

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.
С.А. Есенин. Топи да болота... (1914)

Только видно на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.
С.А. Есенин. Русь (1914)

О Русь – малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
С.А. Есенин. Запели тёсанные дороги... (1916)

Брожу по синим селам,
Такая благодать,
С.А. Есенин. О родина! (1917)

По голубой долине,
Меж тёлочек и коров,
С.А. Есенин. О Русь, взмахни крылами... (1917)

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
С.А. Есенин. Я покинул родимый дом... (1918)

Я люблю, когда синие чащи,
С.А. Есенин. Хулиган (1919)

Май мой синий! Июнь голубой!
С.А. Есенин. Снова пьют здесь, дерутся и плачут... (1922)

Низкий дом с голубыми ставнями
С.А. Есенин. Низкий дом с голубыми ставнями... (1924)

Как видно, сине-голубой цвет переносится С.А. Есениным с «бытового на бытийный план» [12, с. 109]: от описания домов, времени года и природы поэт переходит к онтологическому плану. Синий и голубые цвета в православной иконографии имеют вполне конкретное смысловое наполнение. Современник С.А. Есенина, священник Павел Флоренский в фундаментальном труде «Столп и утверждение Истины» пишет: «голубизна, как известно, символизирует воздух, небо и, отсюда, – присутствие Божества в мире чрез его творчество, чрез его силы»¹³. При этом, если, как отмечает князь Е.Н. Трубецкой, древнерусский иконописец пользовался цветовой палитрой «для отделения неба, запредельного от нашего, поюстороннего, здешнего плана существования»¹⁴, то С.А. Есенин проделывает совершенно обратное – воссоединяет два плана бытия, утверждая на «голубой Руси» онтологическую перихорезу между ними.

При этом для С.А. Есенина, так же, как и для М.А. Волошина и А.А. Блока, характерно кенотическое и антиномичное восприятие реальности русского бытия, далёкое от идеализации и романтизации. Русь-Россия одновременно и «родина кроткая» («Русь») и «покойный уголок» («Руси»), в котором, однако, таится бесшабашная и страшная сила:

Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта – река.
Гармонист с провалившимся носом
Им про Волгу поёт и про Чека.

<...>

Нет! таких не подмять, не рассеять.
Бесшабашность им гнилью дана.

¹³ Флоренский П., свящ. Столп и утверждение Истины. XXIV. Бирюзовое окружение Софии и символика голубого и синего цвета (к стр. 375) // Азбука веры: сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdenie-istiny/24 (дата обращения: 03.11.2024).

¹⁴ Трубецкой Е.Н., проф. Умозрение в красках. II. Два мира в Древнерусской иконописи. Ч. I. // Азбука веры: сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Trubeckoj/umozrenie-v-kraskah/2 (дата обращения: 03.11.2024).

Ты, Рассея моя... Рас... сея...

Азиатская сторона!

С.А. Есенин. Снова пьют здесь,
дерутся и плачут... (1922)

Телица-Русь, воспрянувшая Русь, Русь
отчалившая и деревянная Русь, Русь бесприютная и даже Рассея – всё это ипостаси и лики одной священной Руси-России, за которую поэт дерзновенно и самозабвенно лишает себя райской жизни:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

С.А. Есенин. Гой ты, Русь,
моя родная... (1914 г.)

Эти строки могут быть интерпретированы по-разному, однако, на наш взгляд, ключ к пониманию их глубинного посыла следует искать в Библии. В данном случае дерзкий клич поэта отсылает читателя к дерзновенным речам библейских прототипов – пророку Моисею, вымаливавшему у Бога израильский народ, принося в жертву возможность личного спасения: «прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал» (Исх. 32:32). Или же – апостолу Павлу, написавшему в послании к Римлянам: «я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти» (Рим. 9:3). Русский поэт также не видит вне России и без России вечной жизни, ибо для него она, вполне в русле отечественной мессианской мысли, предстаёт как Божия Избранница, земля Откровений и грядущего спасения.

Мессианское служение Руси-России с особой силой и предельной ясностью выражено, на наш взгляд, в стихотворении «Октоих». Обращаясь к России, поэт произносит такие слова:

Святись преполовением
И рождеством святись,
Чтоб жаждущие бдения
Извечьем напились.

С.А. Есенин. Октоих (1917)

В этих четырёх строках наиболее лаконично выражена вся сущность русского мессианства – вневременное свидетельство об Инобытии и его отражение, воплощение в бытии через литургическое восприятие и переживание реальности. Именно это и обеспечивает Русь-Россия, соединяя в себе два мира – небесный и земной. Обсуждение есенинской поэтики и его особой историософии приводит на память знаменитый тезис Р.М. Рильке о том, что Россия является единственной страной в мире, граничащей с Богом («История о Господе Боге»). Именно в силу этого призвания С.А. Есенин не только не хочет, но и не может мыслить рай вне России, а Россию – вне рая, причём уже здесь на земле:

Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край

С.А. Есенин. Октоих (1917)

Русскую революцию 1917 г. С.А. Есенин воспринимает с энтузиазмом. Поэт входит в круг авторов (П.В. Орешин, Н.А. Клюев, С.А. Клычков), безоговорочно поддерживавших приход к власти большевиков. Идея об особом избранничестве уже новой России не только не потухла, но разгорелась с новой силой. Согласно замечанию А.А. Долина «мессианство стало основной отличительной чертой нового искусства, отринувшего «старый мир» во имя измышленного коммунистического рая»¹⁵. С.А. Есенин транслировал в своём творчестве циклическую модель мировосприятия – «разрушения и нового рождения мира» [12, с. 109] – в рамках которой революционные потрясения осмыслились лишь как переходный этап к построению нового будущего. Некоторые стихотворения и поэмы С.А. Есенина первой половины 1920-х гг. отмечены нарочитым отвержением православной традиции, однако, несмотря на это, библейское мессианство до конца оставалось

¹⁵ Долин А.А. Русское мессианство. Пророческие, мессианские, эсхатологические мотивы в русской поэзии и общественной мысли. Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. С. 313.

лейттемой и главным внутренним историософским нервом творчества поэта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог анализу концептуального историософского содержания произведений М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина, мы должны констатировать, что в основе их осмысления русского бытия и «особого русского пути» лежит мессианская идея – убеждённость в том, что именно России суждено обновить и спасти человечество. Выражаясь словами Ю.В. Мамлеева, каждый из вышеназванных авторов был уверен в том, что «бытие русской земли, России, имеет провиденциально-трансцендентальный смысл, означающий <...> что «русская земля» и Небо вступили между собой в какие-то особые отношения»¹⁶. Антиномия и кенозис, освящённость и мистичность, христоликость, таинственность и таинственность Руси-России, её литургическая и иконическо-диафаническая природа (икона освящает собой этот мир), включённость русского бытия в библейско-мессианскую парадигму священной истории – это лишь некоторые черты тех «особых» отношений, попытку осмыслить которые предприняли русские поэты-провидцы. Русское мессианство в творчестве М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина постулируется как в его исторической (искупление грехов европейской культуры, удержание мирного состояния между Европой и Азией), так и в метаисторической перспективах (освящение и преображение мира, обеспечение «выхода» в трансценденцию, воссоединение мира «дольного» с миром «горним»). В контексте «большого времени» (М.М. Бахтин) русской литературы поэты Серебряного века, размышляя о России и об «особом русском пути», не только артикулировали концепцию русского мессианства, являющуюся константной чертой русской культуры, но и представили её оригинальное истолкование.

¹⁶ Мамлеев Ю.В. Россия вечная. Москва: Традиция, 2020. С. 119.

Список источников

1. Рубенкова Т.С. Тема войны и революции в произведениях М. Волошина // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 3 (19). С. 94-103. <https://elibrary.ru/yolukl>
2. Смагина Е.Б. Пути Библии: к трактовке античных и библейских мотивов в творчестве М.А. Волошина // Соловьёвские исследования. 2019. № 4 (64). С. 177-190. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2019.4.177-190>, <https://elibrary.ru/jyfnkw>
3. Дашевская О.А. Исторические идеи М. Волошина и Д. Андреева: миф о России // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2005. № 7. С. 20-40. <https://elibrary.ru/pwvpth>
4. Пороль О.А., Просвиркина И.И., Дмитриева Н.М. Мотивы начала и конца в библейском дискурсе М. Волошина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11 (172). С. 68-72. <https://elibrary.ru/tnzgav>
5. Кондаков Н.С. Образ Иисуса Христа в лирике А. Блока // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 7. С. 236-239. <https://elibrary.ru/siyndn>
6. Пороль О.А. Библейский дискурс в раннем творчестве А. Блока // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 4 (140). С. 62-67. <https://elibrary.ru/pctegn>
7. Дроботова Л.Л., Лыкова Т.В. Антиномии в стихотворении А. Блока «Россия» // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2007. № 2. С. 76-80. <https://elibrary.ru/oxiqqr>
8. Жиркова Е.А. Образ Родины в ранней лирике Александра Блока: лингвопоэтический аспект // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 3. С. 78-83. <https://elibrary.ru/ulfamb>
9. Лавринцев П. Польская рецепция Александра Блока в русской печати межвоенного Вильно // Literatūra. 2022. Vol. 64 (2). P. 28-34. <http://dx.doi.org/10.15388/Litera.2022.64.2.2>
10. Межуев Б.В. Забытый спор: о некоторых возможных источниках «Скифов» Блока // Соловьёвские исследования. 2002. № 2 (5). С. 187-211.
11. Соловьёва М.А. Ветхозаветные пророчества и эсхатологические образы нового Завета в лирике С.А. Есенина 1918–1919 гг. // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 432-454. <https://elibrary.ru/tkqmon>
12. Федосеева Т.В. О православных аспектах этнопоэтики С.А. Есенина 1910-х годов // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2021. № 1 (70). С. 103-116. <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.011>, <https://elibrary.ru/ltlonj>
13. Михайлова Е.В., Лазовская А.И. Концепты «Родина» и «Природа» в языковой картине мира С. Есенина // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина. 2007. № 1 (16). С. 89-94.

References

1. Rubenkova T.S. The theme of war and revolution in the works of M. Voloshin. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura = Science. Arts. Culture*, 2018, no. 3 (19), pp. 94-103. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yolukl>
2. Smagina E.B. The ways of the Bible: an interpretation of antique and biblical motives in the works of M.A. Voloshin. *Solov'evskie issledovaniya = Solovyov Studies*, 2019, no. 4 (64), pp. 177-190. (In Russ.) <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2019.4.177-190>, <https://elibrary.ru/jyfnkw>
3. Dashevskaya O.A. Historiosophical ideas of M. Voloshin and D. Andreev: the myth about Russia. *Russkaya Literatura v XX veke: Imena, Problemy, Kul'turnyi Dialog*, 2005, no. 7, pp. 20-40. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pwvpth>
4. Porol O.A., Prosvirkina I.I., Dmitrieva N.M. Motives of the beginning and the end in the bible discourse of M. Voloshin. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*, 2014, no. 11 (172), pp. 68-72. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tnzgav>
5. Kondakov N.S. The image of Jesus Christ in the lyrics of A. Blok. *Gumanitarnye, sotsial'no-ehkonomicheskie i obshchestvennyye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2014, no. 7, pp. 236-239. (In Russ.) <https://elibrary.ru/siyndn>
6. Porol O.A. Biblical discourse in the early work of A. Blok. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*, 2012, no. 4 (140), pp. 62-67. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pctegn>
7. Drobotova L.L., Lykova T.V. Antinomies in A. Blok's poem "Russia". *Vestnik Taganrogskego Instituta imeni A.P. Chekhova*, 2007, no. 2, pp. 76-80. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oxiqqr>

8. Zhirkova E.A. Motherland image at Alexander Blok early lyric poetry: lingvopoetical aspect. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii = Cultural Studies of Russian South*, 2015, no. 3, pp. 78-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ulfamb>
9. Lavrinets P. Polish reception of Alexander Blok in the Russian press of the interwar Wilno. *Literatūra*, 2022, vol. 64 (2), pp. 28-34. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15388/Litera.2022.64.2.2>
10. Mezhuiev B.V. The forgotten controversy: on some possible sources for Blok's "Scythians". *Solov'evskie issledovaniya = Solovyov Studies*, 2002, no. 2 (5), pp. 187-211. (In Russ.)
11. Soloveva M.A. Old testament prophecies and eschatological imagery in Sergei Yesenin's poetry (1918–1919). *Problemy istoricheskoi poehtiki = The Problems of Historical Poetics*, 2014, no. 12, pp. 432-454. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tkqmon>
12. Fedoseeva T.V. About Christian aspects of S.A. Yesenin's ethnopoetics in the 1910s. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina = Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin*, 2021, no. 1 (70), pp. 103-116. (In Russ.) <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.011>, <https://elibrary.ru/ltlonj>
13. Mikhailova E.V., Lazovskaya A.I. Concepts "Motherland" and "Nature" in S. Esenin's linguistic picture of the world. *Vestnik Mozyrskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. I.P. Shamyakina*, 2007, no. 1 (16), pp. 89-94. (In Russ.)

Информация об авторе

Священник Артемий ЮДАХИН (Юдахин Артём Александрович), кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет им. А.С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-4552-859X>, Artemyudakhin@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.12.2024

Поступила после рецензирования 14.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Priest Artemy Yudakhin (Artem A. Yudakhin), Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the History of Journalism and Literature Department, A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4552-859X>, Artemyudakhin@yandex.ru

Received 06.12.2024

Revised 14.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.